

ДЖИНА ЛОЛЛОБРИДЖИДА: В МОЕЙ СЕМЬЕ МНОГО СУМАСШЕДШИХ И АРТИСТОВ

— Чем Вы интересуетесь в жизни кроме кинематографа?

— Мне очень посчастливилось, что у меня в жизни много интересов.

В кино, кстати, я попала случайно — это не было мечтой. Моей страстью были рисование и скульптура. И это очень мне помогает в жизни. Любовь к искусству — как постоянная батарейка, которая заряжает энергией. И у меня нет ни одной свободной секунды, чтобы поспать.

— Связываете ли вы свое будущее с кино?

— Надеюсь. Я еще не перевернула свою страницу в киноискусстве. И, конечно, нельзя 40 лет проработать в кинематографе, чтобы это не стало частью тебя. И все-таки самое лучшее, что во мне есть, пока что внутри. Но, к сожалению, это знаю только я. Жизнь всегда оставляет место для сюрпризов. И я надеюсь, что мне удастся когда-нибудь сыграть в таком фильме, которым буду удовлетворена я сама.

— Неужели до сих пор тако-го фильма не было? Какие картины нравятся вам лично?

— Очень трудно сказать. Прежде всего, фильмы, в которых показаны герои, позволяющие себе выплескивать определенные чувства. Лично мне очень нравятся характерные роли.

— После долгого перерыва вы сыграли в фильме Аньес Варда "Сто и одна ночь". Расскажите немного о работе в этой картине.

— Это особенный фильм, снятый в честь 100-летия кинематографа. Очень много знаменитых актеров работали на съемках всего день или два.

Роберт Де Ниро играл один день, я — два дня. Было очень приятно и радостно вновь встретиться на площадке с Бельмондо. Мы с ним оба (по фильму) немножко сумасшедшие, словно сдвинутые в одну сторону строчки. Я играю его жену, а он — мага, факира. В этой истории очень много иронии, она скорее развлекательная. Но готового фильма я не видела и даже не знаю, что к чему, как же он получился...

— Как вы считаете, сохранение молодости женщины зависит в большей степени от ее кошелька или от ее личных качеств?

— Молодость — это не годы, а внутреннее самочувствие. Есть молодежь, которая уже стара, потому что не умеет жить и делает совершенно неправильные вещи в своей жизни. Как научиться жить — это очень сложный вопрос. Нужно быть молодым изнутри. И то, что человек чувствует и ощущает, словно струится из его тела, исходит из его души.

— Трудно ли обладать славой кинозвезды и красивой женщины мира?

— Это сложно, потому что я не люблю стоять в витрине. Я не люблю, когда за мной следят и подглядывают. Особенно трудно было находиться в центре внимания первое время. Я старалась всегда быть очень любезной с публикой, даже если мне было очень-очень страшно. И, возвращаясь домой, я часто плакала, выпуская

таким образом наружу напряжение нескольких дней. Но ведь есть и другие характеры. Некоторые люди, напротив, живут за счет внутреннего напряжения. Например, Мэрилин Монро, с которой я познакомилась сначала в Нью-Йорке, а позднее встретилась в Голливуде. Личная неуверенность в себе настолько отделяла ее от мира, что, находясь на публике, она "подзарядилась". И то, что она была в центре внимания, придавало ей твердости. Что же касается меня — я от этого испытываю неловкость.

— Чем последний год был для вас богат и что вас огорчало?

— Трудный вопрос. Смотря с какой точки зрения взглянуть. В любом году жизни есть и красивые моменты, и плохие. Такие, как война, которая бессмысленна, жестока и очень огорчает всех. И, безусловно, невозможно жить в абсолютном мире, в абсолютном покое. Всегда есть неоправданные, бессмысленные зависть и ненависть. И все-таки нужно идти вперед. Нельзя отмахиваться и говорить, что это, мол, не наше дело, и за всем следить должны политики. Мы видим на экране телевизоров страшные кадры — пугаемся, удивляемся, переживаем — и забываем об этом. Безразличие — одно из самых страшных качеств, какое только есть в людях...

— Джина-актриса и Джина-женщина — это одно и то же?

— Быть актрисой — это просто работа. Обычная работа. Самое страшное, когда актер играет самого себя, когда роль и он сам становятся одним целым. Для меня лицедейство — просто работа, и я делаю ее от всей души.

— Часто ли вам в вашей работе требуется помощь спонсоров?

— В наше время сложно снимать кино. Сегодня каждый фильм стоит намного дороже, чем он когда-либо стоил. И жить, зарабатывая кинематографом, чрезвычайно сложно. Тем более, что есть телевидение, которое работает в какой-то мере против кино. Сейчас стало модным, особенно в Америке, снимать фильмы с бюджетом, скажем, в 200 млн. долларов. С такими огромными бюджетами конкурировать очень сложно. Но мне обидно еще и потому, что хорошее кино можно снимать с гораздо меньшими затратами. Никогда Ингмар Бергман не снимал картин, которые стоили бы более 1 млн. долларов.

— Какой секс вы предпочитаете — ночной или утренний?

— Ночью.

— Продолжается ли ваше увлечение фотографией? Что вы любите снимать? Какие издавались книги с вашими фотографиями?

— "Моя Италия" опубликована даже здесь. Это журналистская книга, если так можно развиться. Я сделала две книги на Филиппинах, а также альбом о цветах.

А последняя из моих книг — это что-то совершенно другое. Мне захотелось рисовать фотоаппаратом, и потому в этой книге, тема которой дети и животные, нет обычных фотографий.

Она состоит из фотомонтажей. Она полна поэзии, фантазии и как бы соткана из картинок детских снов. Наверное, книга получилась такой из-за того, что мое собственное детство я не считаю нормальным. Я прожила всю войну, я знала, что такое голод, и у меня никогда не было ни единой игрушки. И мне хотелось показать сына ребенка такими, какими они должны быть, такими, на какие имеет право каждый малыш.

Я работала над этой книгой 15 лет, по-моему, она получилась очень красивая. В текстах же я постаралась выразить не только свои мысли, но и привожу цитаты многих мировых поэтов и писателей.

— Как вы считаете, уровень эмансипации, столь высокий сегодня, обусловлен тем, что женщины очень сильны или наоборот — слишком уязвимы в личной жизни?

— Я думаю, что женщина сильна по своей природе. Даже если ей мало места. И, безусловно, чем дальше ты идешь вперед, больше понимаешь, что мужчины не так сильны, как кажется. У женщины есть удивительная предрасположенность: когда ей на пути попадает уязвимый мужчина, она способна "взяться" за него, чтобы помочь, изменить, воспитать. Но оказывается, что мужчина никогда не меняется, и скорее сама женщина станет другой.

— Расскажите немного о вашей семье.

— Род Лоллобриджида вышел из маленького городка неподалеку от Рима. В моей семье много сумасшедших и артистов. Это правда, а не шутка. Одна из моих тетушек умерла в сумасшедшем доме. А один из дядюшек работал в Ватикане художником. Другого дядюшку с триумфом привезли в Рим — он нашел в себе смелость полностью переделать "Божественную комедию"! Он был врачом, но имел способности к литературе. Другая моя тетушка — самая старая женщина в Италии. Ее зовут Лидония Лоллобриджида. Ей 113 лет! И она до сих пор вся искрится. Она потрясающе умный человек и память ее, честно говоря, лучше моей. До 103 лет она работала вышивальщицей. А так как я являюсь членом именно этой семьи, во мне есть частицы всех перечисленных талантов и недостатков моих родных. Чего больше — судить не мне.

— Вы сказали, что не стремились быть актрисой. И стали ею на всю жизнь. Почему?

— Я начинала работать как статистка. Когда же мне предложили

главную роль в фильме, я отказалась. Я не хотела сниматься в кино. Я мечтала учиться дальше и стать художницей или скульптором. Кроме того, я очень серьезно занималась пением. И именно Витторио Де Сика был тем человеком, который убедил меня: если тебе есть что сказать людям, выразить это можно в любой форме.

Когда я пошла отказываться от главной роли, мой дневной заработок составлял 1000 лир. Но режиссер и продюсер так настаивали, что я не нашла слов, чтобы объяснить свое нежелание и просто попросила миллион лир. К моему величайшему удивлению, они не сказали "нет". И так все началось...

InterMedia

М. Л. Лоллобриджида
1995-23 сент. - с. 6.

Фото ИТАР-ТАСС.